

Лесков Николай Семенович

Левша

Николай Семенович Лесков

ЛЕВША

Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда император Александр Павлович* окончил Венский совет*, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нем был донской казак Платов* который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома свое не хуже есть,- и чем-нибудь ответит. Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы", оружейные и мыльнопильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество и тем славиться,- Платов сказал себе: - Ну уж тут шабаш. До этих пор еще я терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам. И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит: - Так и так, завтра мы с тобою едем их оружейную кунсткамеру смотреть. Там,- говорит,- такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся. Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый нос в лохматую бурку спустил, а пришел в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляжку кавказской водки-кислярки', дерябнул хороший стакан, на дорожный складень богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всем доме англичанам никому спать нельзя было. Думал: утро ночи мудренее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На другой день поехал государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную. Приезжают в пребольшое здание - подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посредине под валдахином стоит Аболон полведерский. Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлен и на что смотрит; а тот идет глаза опустивши, как будто ничего не видит,- только из усов кольца вьет. Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приновлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзы мантоны пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на все это радуется, все кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него все ничего не значит. Государь говорит: - Как это возможно - отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничто не удивительно? А Платов отвечает: - Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и двенадцать язык прогнали. Государь говорит: - Это безрассудок. Платов *отвечает: - Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать. А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово ружье, а из другой пистолю. - Вот,- говорят,- какая у нас производительность,- и подают ружье. Государь на Мортимерово ружье посмотрел спокойно, потому что у него такие в Царском Селе есть, а они потом дают ему пистолю и говорят: - Это пистоля

неизвестного, неподражаемого мастерства - ее наш адмирал у разбойничьего атамана в Канделабрии из-за пояса выдернул. Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может. Взахался ужасно. - Ах, ах, ах,- говорит,- как это так... как это даже можно так тонко сделать! - И к Платову по-русски оборачивается и говорит: - Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал. А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвертку. Англичане говорят: "Это не отворяется", а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два - замок и вынул. Платов показывает государю собачку, а там на самом сугибе сделана русская надпись: "Иван Москвин во граде Туле". Англичане удивляются и друг дружку поталкивают: - Ох-де, мы маху дали! А государь Платову грустно говорит: - Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем. Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов еще больший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном. Было ему и радостно, что он англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем государь под такой случай англичан сожалел! "Через что это государь огорчился? - думал Платов,- совсем того не понимаю",- и в таком рассуждении он два раза вставал, крестился и водку пил, пока насильно на себя крепкий сон навел. А англичане же в это самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит: - Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть. Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит: - Нет, я еще желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают. Поехали. Англичане всё государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит: - А покажите-ка нам ваших заводов сахар молво. А англичане и не знают, что это такое - молво. Перешептываются, перемигиваются, твердят друг дружке: "Молво, молво", а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а "молва" нет. Платов говорит: - Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода. А государь его за рукав дернул и тихо сказал: - Пожалуйста, не порть мне политики. Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозории, начиная с самой огромнейшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазам видеть невозможно, а угрызение ее между кожей и телом. Государь поехал. Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе: "Вот, слава богу, все благополучно: государь ничему не удивляется". Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет. Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос. - Что это такое значит? - спрашивает; а аглицкие мастера отвечают: - Это вашему величеству наше покорное поднесение. - Что же это? - А вот,- говорят,- извольте видеть сориночку? Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка. Работники говорят: - Извольте пальчик поклонить и ее на ладошку взять. - На что же мне эта соринка? - Это,- отвечают,- не соринка, а нимфозория. - Живая она? - Никак нет,- отвечают,- не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнет дансе танцевать. Государь залюбопытствовал и спрашивает: - А где же ключик? А англичане говорят: - Здесь и ключ перед вашими очами. - Отчего же,- государь говорит,- я его не вижу? - Потому,- отвечают,- что это надо в мелкоскоп. Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит. - Извольте,- говорят,- взять ее на ладошечку - у нее в пузичке заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдет дансе... Насилу

государь этот ключик ухватил и насилу его в щепотке мог удержать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кадрили станцевала. Государь сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят деньгами,- хотят серебряными пяточками, хотят мелкими ассигнациями. Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на нее не принесли; без футляра же ни ее, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и в сору их так и выбросят. А футляр на нее у них сделан из цельного бриллиантового ореха - и ей местечко в середине выдавлено. Этого они не подали, потому что футляр, говорят, будто казенный, а у них насчет казенного строго, хоть и для государя - нельзя жертвовать. Платов было очень рассердился, потому что, говорит: - Для чего такое мошенничество! Дар сделали и миллион за то получили, и все еще недостаточно! Футляр,- говорит,- всегда при всякой вещи принадлежит. Но государь говорит: - Оставь, пожалуйста, это не твое дело - не порть мне политики. У них свой обычай. - И спрашивает: - Сколько тот орех стоит, в котором блоха местится? Англичане положили за это еще пять тысяч. Государь Александр Павлович сказал: "Выплатить", а сам спустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана перламутром и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью отпустил и сказал им: "Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут". Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что "он сюда же,- говорит,- принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли". Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у царя от военных дел сделалась меланхолия и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота*. Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому что они совсем разных мыслей сделались: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут - все могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на всё другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл. Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, соленым бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку, в которую сразу целый фунт Жукова табаку входило, а потом сядет и сидит рядом с царем в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял. - Ты,- говорит,- к духовной беседе невоздержен и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копоть стоит. Платов остался с обидою и лег дома на досадную укушетку, да так все и лежал да покушивал Жуков табак без перестачи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Удивительная блоха из аглицкой воронёной стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав ее попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала. - Мое,- говорит,- теперь дело вдове, и мне никакие забавы не обольстительны,- а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю. Император Николай Павлович* поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение*, но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из нее табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нем нашел стальную блоху, которая уже давно* не была заведена и

потому не действовала, а лежала смирно, как коченелая. Государь посмотрел и удивился. - Что это еще за пустяковина и к чему она тут у моего брата в таком сохранении! Придворные хотели выбросить, но государь говорит: - Нет, это что-нибудь значит. Позвали от Аничкина моста из противной аптеки химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: "Чувствую хлад, как от крепкого металла". А потом зубом ее слегка помял и объявил: - Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская. Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает? Бросились смотреть в дела и в списки, - но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать, - никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был еще жив и даже все еще на своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он как услышал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах. Государь говорит: - Что тебе, мужественный старик, от меня надобно? А Платов отвечает: - Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я, - говорит, - пришел доложить насчет этой нимфозории, которую отыскиали: это, - говорит, - так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии, - и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузичко эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны вероянии делать. Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит: - Это, - говорит, - ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть ее русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке, - тогда еще Сестрорецк Сестербеком звали, - не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвзошались. Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову: - Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю поверить. Мне эта коробочка все равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми ее с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Платов взял стальную блоху и, как поехал через Тулу на Дон, показал ее тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает: - Как нам теперь быть, православные? Оружейники отвечают: - Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против нее, - говорят, - надо взяться подумавши и с божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые приял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, - остановись и спыслай за нами: мы к той поре, бог даст, что-нибудь придумаем. Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нимало не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо свое смелое воображение исполнить, да тогда и отдать. Говорят: - Мы еще и сами не знаем, что учиним, а только будем на бога надеяться, авось слово царское ради нас в постыждении не будет. Так и Платов умом виляет, и туляки тоже. Платов вилял,

вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит: - Ну, нечего делать, пусть,- говорит,- будет по-вашему; я вас знаю, какие вы, ну, иначе, делать нечего,- я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортите, да недолго возитесь, потому что я шибко езжу: двух недель не пройдет, как я с тихого Дона опять в Петербург поворочу,- тогда мне чтоб непременно было что государю показать. Оружейники его вполне успокоили: - Тонкой работы,- говорят,- мы не повредим и бриллианта не отменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе что-нибудь государеву великолепию достойное представить. А что именно, этого так-таки и не сказали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косой Левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города. Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую заставу, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветоваться там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии. [...]*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[...] Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя "камнесеченная" икона св. Николая [...] св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а "мценский Никола" в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой "нощию" и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к Левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом ламцадку затеплили и начали работать. День, два, три сидят и никуда не выходят, все молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют - ничего не известно. Всем любопытно, а никто ничего не может узнать, потому что работающие ничего не сказывают и наружу не показываются. Ходили к домику разные люди, стучались в двери под разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спрос не отпираются, и даже чем питаются неизвестно. Пробовали их пугать, будто по соседству дом горит,- не выскочат ли в перепуге и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничто не брало этих хитрых мастеров; один раз только Левша высунулся по плечи и крикнул: - Горите себе, а нам некогда,- и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул и за свое дело принялся. Только сквозь малые щёлочки было видно, как внутри дома огонек блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают. Словом, все дело велось в таком страшном секрете, что ничего нельзя было узнать, и притом продолжалось оно до самого возвращения казака Платова с тихого Дона к государю, и во все это время мастера ни с кем не видались и не разговаривали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые* казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из коляски ногою ткнет, и еще злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратно сдействует, и к подъезду возвратятся. Так они и в Тулу прикатили,- тоже пролетели сначала сто скачков дальше Московской заставы, а потом казак сдействовал над ямщиком нагайкою в обратную сторону, и стали у крыльца новых коней запрягать. Платов же из коляски не вышел, а только велел свистовому как можно скорее привести к себе мастеровых, которым блоху оставил. Побежал один свистовой, чтобы шли как можно скорее и несли ему работу, которою должны были англичан посрамить, и еще мало этот свистовой отбежал, как Платов вдогонку за ним раз за разом новых шлет, чтобы как можно скорее. Всех свистовых разогнал и стал уже

простых людей из любопытной публики посылать, да даже и сам от нетерпения ноги из коляски выставляет и сам от нетерпеливости бежать хочет, а зубами так и скрипит - все ему еще не скоро показывается. Так в тогдaшнее время все требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тульские мастера, которые удивительное дело делали, в это время как раз только свою работу оканчивали. Свистовые прибежали к ним запыхавшись, а простые люди из любопытной публики - те и вовсе не добежали, потому что с непривычки по дороге ноги рассыпали и повалились, а потом от страха, чтобы не глядеть на Платова, ударились домой да где попало спрятались. Свистовые же как прискочили, сейчас вскрикнули и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставень, но болты были такие крепкие, что нимало не поддались, дернули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху да всю крышу с маленького домика сразу и своротили. Но крышу сняли, да и сами сейчас повалились, потому что у мастеров в их тесной хороминке от безотдышной работы в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть. Послы закричали: - Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да еще этакою спиралью сшибать смее! Или в вас после этого бога нет! А те отвечают: - Мы сейчас, последний гвоздик заколачиваем и, как забьем, тогда нашу работу вынесем. А послы говорят: - Он нас до того часу живьем съест и на помин души не оставит. Но мастера отвечают: - Не успеет он вас поглотить, потому вот пока вы тут говорили, у нас уже и этот последний гвоздь заколочен. Бегите и скажите, что сейчас несем. Свистовые побежали, но не с уверкою: думали, что мастера их обманут; а потому бежат, бежат да оглянутся; но мастера за ними шли и так очень скоро поспешали, что даже не вполне как следует для явления важному лицу оделись, а на ходу крючки в кафтанах застегивают. У двух у них в руках ничего не содержалось, а у третьего, у Левши, в зеленом чехле царская шкатулка с аглицкой стальной блохой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Свистовые подбежали к Платову и говорят: - Вот они сами здесь! Платов сейчас к мастерам: - Готово ли? - Всё,- отвечают,- готово. - Подавай сюда. Подали. А экипаж уже запряжен, и ямщик и форейтор* на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ним подняли и так замахнувши и держат. Платов сорвал зеленый чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех,- видит: аглицкая блоха лежит там какая была, а кроме ее ничего больше нет. Платов говорит: - Это что же такое? А где же ваша работа, которою вы хотели государя утешить? Оружейники отвечали: - Тут и наша работа. Платов спрашивает: - В чем же она себя заключает? А оружейники отвечают: - Зачем это объяснять? Все здесь в вашем виду, - и предусматривайте. Платов плечами вздвинул и закричал: - Где ключ от блохи? - А тут же,- отвечают. - Где блоха, тут и ключ, в одном орехе. Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцапые: ловил, ловил, никак не мог ухватить ни блохи, ни ключика от ее брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казацкий манер. Кричал: - Что вы, подлецы, ничего не сделали, да еще, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму! А туляки ему в ответ: - Напрасно так нас обижаете,- мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны,- мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти - он увидит, каковы мы у него люди и есть ли ему за нас постыждение. А Платов крикнул: - Ну, так врете же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюсь, какие есть ваши хитрости. И с этим протянул руку, схватил своими куцапыми пальцами за шивороток косого Левшу, так что у того все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги. - Сиди,-

говорит,- здесь до самого Петербурга вроде пуделя,- ты мне за всех ответишь. А вы,- говорит свистовым,- теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был. Мастера ему только осмелились сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента* увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак - такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся - и, погрозивши, говорит: "Вот вам тугамент!" А казакам говорит: - Гайда, ребята! Казаки, ямщики и кони - всё враз заработало и умчали Левшу без тугамента, а через день, как приказал Платов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, рассказавшись как следует, мимо колонн проехали. Платов встал, подцепил на себя ордена и пошел к государю, а косого Левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный - ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот он хоть никакого в свете неприятеля не испугался, а тут струсил: вошел во дворец со шкатулочкою да потихонечку ее в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответить, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского Левшу в крепостной каземат без срока посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится. Но государь Николай Павлович ни о чем не забывал, и чуть Платов насчет междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает: - А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали? Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось. - Нимфозория,- говорит,- ваше величество, все в том же пространстве, и я ее назад привез, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли. Государь ответил: - Ты - старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может. Платов стал его уверять и рассказал, как все дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит: - Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с нее суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех,- а в нем блоха лежит, какая прежде была и как лежала. Государь посмотрел и сказал: - Что за лихо! - Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей: - У тебя на руках персты тонкие - возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку. Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Николаевна весь завод натянула, а нимфозория все-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает. Платов весь позеленел и закричал: - Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне так сказать не хотели. Хорошо еще, что я одного ихнего дурака с собой захватил. С этими словами выбежал на подъезд, словил Левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит: - У меня и так все волосья при учебе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение? - Это за то,- говорит Платов,- что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили. Левша отвечает: - Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите. Платов назад побежал про мелкоскоп сказывать, а Левше только погрозились: - Я тебе,- говорит,- такой-сякой-этакой, еще задам. И велел свистовым, чтобы Левше еще крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву: "Благого царя благая мати, пречистая и чистая", и дальше, как надобно. А царедворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачиваются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца

вон погонят,- потому они его терпеть не могли за храбрость.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как довел Платов Левшины слова государю, тот сейчас с радостью говорит: - Я знаю, что мои русские люди меня не обманут. - И приказал подать мелкоскоп на подушке. В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил ее под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком,- словом сказать, на все стороны ее повернули, а видеть нечего. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал: - Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится. Платов докладывает: - Его бы приодеть надо - он в чем был взят, и теперь очень в злом виде. А государь отвечает: - Ничего - ввести как он есть. Платов говорит: - Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай. - А Левша отвечает: - Что ж, такой и пойду, и отвечу. Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится. "Что ж такое? - думает. - Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было". Как взошел Левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит: - Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем? А Левша отвечает: - Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть? Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или с хитростью, а говорит просто. Государь говорит: - Оставьте над ним мудрить,- пусть его отвечает, как он умеет. И сейчас ему пояснил: - Мы,- говорит,- вот как клали. - И положил блоху под мелкоскоп. Смотри,- говорит,- сам - ничего не видно. Левша отвечает: - Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее. Государь спросил: - А как же надо? - Надо,- говорит,- всего одну ее ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно смотреть на всякую пяточку, которой она ступает. - Помилуй, скажи,- говорит государь,- это уже очень сильно мелко! - А что же делать,- отвечает Левша,- если только так нашу работу и заметить можно: тогда все и удивление окажется. Положили, как Левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял,- взял Левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказав: - Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а Левша доложил, что и это еще не все удивительное. - Если бы,- говорит,- был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы,- говорит,- увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал. - И твое имя тут есть? - спросил государь. - Никак нет,- отвечает Левша,- моего одного и нет. - Почему же? - А потому,- говорит,- что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты,- там уже никакой мелкоскоп взять не может. Государь спросил: - Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление? А Левша ответил: - Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши. Тут и другие придворные, видя, что Левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит: - Прости меня, братец, что я тебя за волосы отодрал. Левша отвечает: - Бог простит,- это нам не впервые такой снег на голову. А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию - вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно. И велел государь, чтобы вез блоху особый курьер, который на все языки учен, а при нем чтобы и Левша находился и чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковые у нас в Туле мастера есть. Платов его перекрестил. - Пусть,- говорит,- над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало,

не пей много, а пей средственно. Так и сделал - прислал. А граф Кисельвроде велел, чтобы обмыли Левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть. Как его таким манером обформировали, напоили на дорогу чаем с платовскою кисляркою, затянули ремненным поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с Левшой и пошли заграничные виды.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ехали курьер с Левшой очень скоро, так что от Петербурга до Лондона нигде отдыхать не останавливались, а только на каждой станции пояса на один значок еще уже перетягивали, чтобы кишки с легкими не перепутались; но как Левше после представления государю, по платовскому приказанию, от казны винная порция вволю полагалась, то он, не евши, этим одним себя поддерживал и на всю Европу русские песни пел, только припев делал по-иностранному: "Ай люли - се тре жули". Курьер как привез его в Лондон, так явился к кому надо и отдал шкатулку, а Левшу в гостинице в номер посадил, но ему тут скоро скучно стало, да и есть захотелось. Он постучал в дверь и показал служающему себе на рот, а тот сейчас его и свел в пищеприемную комнату. Сел тут Левша за стол и сидит, а как чего-нибудь по-аглички спросить - не умеет. Но потом догадался: опять просто по столу перстом постучит да в рот себе покажет,- англичане догадываются и подают, только не всегда того, что надобно, но он что ему не подходящее не принимает. Подали ему ихнего приготовления горячий студинг в огне,- он говорит: "Это я не знаю, чтобы такое можно есть", и вкушать не стал; они ему переменили и другого кушанья поставили. Также и водки их пить не стал, потому что она зеленая - вроде как будто купоросом заправлена, а выбрал, что всего натуральнее, и ждет курьера в прохладе за баклажечкой. А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публикейские ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветой вышел. - А самого этого мастера,- говорят,- мы сейчас хотим видеть. Курьер их препроводил в номер, а оттуда в пищеприемную залу, где наш Левша порядочно уже подрумянился, и говорит: "Вот он!" Англичане Левшу сейчас хлоп-хлоп по плечу и как ровного себе - за руки. "Камрад,- говорят,- камрад - хороший мастер,- разговаривать с тобой со временем, после будем, а теперь выпьем за твое благополучие". Спросили много вина, и Левше первую чарку, а он с вежливостью первый пить не стал: думает,- может быть, отравить с досады хотите. - Нет,- говорит,- это не порядок: и в Польше нет хозяина больше,- сами вперед кушайте. Англичане всех вин перед ним опробовали и тогда ему стали наливать. Он встал, левой рукой перекрестился и за всех их здоровье выпил. Они заметили, что он левой рукою крестится, и спрашивают у курьера: - Что он - лютеранец или протестантист? Курьер отвечает: - Нет, он не лютеранец и не протестантист, а русской веры. - А зачем же он левой рукой крестится? Курьер сказал: - Он - Левша и все левой рукой делает. Англичане еще больше стали удивляться и начали накачивать вином и Левшу и курьера, и так целые три дня обходились, а потом говорят: "Теперь довольно". По симфону воды с ерфиксом приняли и, совсем освежившись, начали расспрашивать Левшу: где он и чему учился и до каких пор арифметику знает? Левша отвечает: - Наша наука простая: по Псалтирю* да по Полусоннику* а арифметики мы нимало не знаем. Англичане переглянулись и говорят: - Это удивительно. А Левша им отвечает: - У нас это так повсеместно. - А что же это,- спрашивают,- за книга в России "Полусонник"? - Это,- говорит,- книга, к тому относящая, что если в Псалтире что-нибудь насчет гаданья царь Давид неясно открыл, то в Полусоннике угадывают дополнение. Они говорят: - Это жалко, лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчет силы есть, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и ее подковок несть не может. Через это теперь нимфозория и не прыгает и дансе не танцует. Левша согласился. - Об этом,- говорит,- спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно

преданные. А англичане сказывают ему: - Оставайтесь у нас, мы вам большую образованность передадим, и из вас удивительный мастер выйдет. Но на это Левша не согласился. - У меня,- говорит,- дома родители есть. Англичане назвались, чтобы его родителям деньги посылать, но Левша не взял. - Мы,- говорит,- к своей родине привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница - старушка и привыкли в свой приход в церковь ходить, да и мне тут в одиночестве очень скучно будет, потому что я еще в холостом звании. - Вы,- говорят,- обвыкнете, наш закон примете, и мы вас женим. - Этого,- ответил Левша,* никогда быть не может. - Почему так? - Потому,- отвечает,- что наша русская вера самая правильная, и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы. - Вы,- говорят англичане,- нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое Евангелие сохраним. - Евангелие,- отвечает Левша,- действительно у всех одно, а только наши книги ваших толще, и вера у нас полнее. - Почему вы так это можете судить? - У нас тому,- отвечает,- есть все очевидные доказательства. - Какие? - А такие,- говорит,- что у нас есть и боготворные иконы, и гроботочивые главы и мощи, а у вас ничего, и даже, кроме одного воскресенья, никаких экстренных праздников нет, а по второй причине - мне с англичанкою, хоть и повенчавшись в законе, жить конфузно будет. - Отчего же так? - спрашивают. - Вы не пренебрегайте: наши тоже очень чисто одеваются и хозяйственные. А Левша говорит: - Я их не знаю. Англичане отвечают: - Это не важно суть - узнать можете: мы вам грандеву* сделаем. Левша застыдился. - Зачем,- говорит,- напрасно девушек морочить. - И отнекался. Грандеву,- говорит,- это дело господское, а нам нейдет, и если об этом дома, в Туле, узнают, надо мною большую насмешку сделают. Англичане любопытствовали: - А если,- говорят,- без грандеву, то как же у вас в таких случаях поступают, чтобы приятный выбор сделать? Левша им объяснил наше положение. - У нас,- говорит,- когда человек хочет насчет девушки обстоятельное намерение обнаружить, посылает разговорную женщину, и как она предлог сделает, тогда вместе в дом идут вежливо и девушку смотрят не таясь, а при всей родственности. Они поняли, но отвечали, что у них разговорных женщин нет и такого обыкновения не водится, а Левша говорит: - Это тем и приятнее, потому что таким делом если заняться, то надо с обстоятельным намерением, а как я сего к чужой нации не чувствую, то зачем девушек морочить? Он англичанам и в этих своих суждениях понравился, так что они его опять пошли по плечам и по коленям с приятством ладошками хлопывать, а сами спрашивают: - Мы бы,- говорят,- только через одно любопытство знать желали: какие вы порочные приметы в наших девицах приметили и за что их обегаете? Тут Левша им уже откровенно ответил: - Я их не порочу, а только мне то не нравится, что одежда на них как-то машется, и не разобрать, что такое надето и для какой надобности; тут одно что-нибудь, а ниже еще другое пришили, а на руках какие-то ногавочки*. Совсем точно обезьяна-сапажу - плисовая тальма*. Англичане засмеялись и говорят: - Какое же вам в этом препятствие? - Препятствия,- отвечает Левша,- нет, а только опасаясь, что стыдно будет смотреть и дожидаться, как она из всего из этого разбираться станет. - Неужели же,- говорят,- ваш фасон лучше? - Наш фасон,- отвечает,- в Туле простой: всякая в своих кружевах, и наши кружева даже и большие дамы носят. Они его тоже и своим дамам казали, и там ему чай наливали и спрашивали: - Для чего вы морщитесь? Он отвечал, что мы, говорит, очень сладко не приучены. Тогда ему по-русски вприкуску подали. Им показывается, что этак будто хуже, а он говорит: - На наш вкус этак вкуснее. Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его в это время по разным заводам водить будут и всё свое искусство покажут. - А потом,- говорят, - мы его на своем корабле привезем и живого в Петербург доставим. На это он согласился.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Взяли англичане Левшу на свои руки, а русского курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин имел и на разные языки был учен, но они им не интересовались, а Левшу интересовались,- и пошли они Левшу водить и всё ему показывать. Он смотрел все их производство; и металлические фабрики, и мыльнопильные заводы, и все хозяйственные

порядки их ему очень нравились, особенно насчет рабочего содержания. Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые штилеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукою стирабельная дощечка: все, что который мастер делает, - на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит. А придет праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует. Левша на все их житье и на все их работы насмотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколь то, как старые в каком виде состоят. Все обойдет, и хвалит, и говорит: - Это и мы так можем. А как до старого ружья дойдет, - засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнет: - Это, - говорит, - против нашего не в пример превосходнейше. Англичане никак не могли отгадать, что такое Левша замечает, а он спрашивает: - Не могу ли, - говорит, - я знать, что, наши генералы это когда-нибудь глядели или нет? Ему говорят: - Которые тут были, те, должно быть, глядели. - А как, - говорит, - они были: в перчатке или без перчатки? - Ваши генералы, - говорят, - парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были. Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скучать. Затосковал и затосковал, и говорит англичанам: - Покорно благодарствуйте на всем угощении, и я всем у вас очень доволен, и все, что мне нужно было видеть, уже увидел, а теперь я скорее домой хочу. Никак его более удержать не могли. По суше его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите. - Мы на буреметр, - говорят, - смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас Финский залив, а тут настоящее Твердиземное море. - Это все равно, - отвечает, - где умереть, - все единственно, воля божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать. Его силом не удерживали: наплатили, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетиром, а для морской прохлады на поздний осенний путь дали байковое пальто с ветряной нахлобучкой на голову. Очень тепло одели и отвезли Левшу на корабль, который в Россию шел. Тут поместили Левшу в лучшем виде, как настоящего барина, но он с другими господами в закрытии сидеть не любил и совестился, а уйдет на палубу, под презент сядет и спросит: "Где наша Россия?" Англичанин, которого он спрашивает, рукою ему в ту сторону покажет или головою махнет, а он туда лицом оборотится и нетерпеливо в родную сторону смотрит. Как вышли из буфты в Твердиземное море, так стремление его к России такое сделалось, что никак его нельзя было успокоить. Водопление стало ужасное, а Левша все вниз в каюты нейдет - под презентом сидит, нахлобучку надвинул и к отечеству смотрит. Много раз англичане приходили его в теплое место вниз звать, но он, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться начал. - Нет, - отвечает, - мне тут наружи лучше; а то со мною под крышей от колтыхания морская свинка сделается. Так все время и не сходил до особого случая и через это очень понравился одному полшкиперу*, который, на горе нашего Левши, умел по-русски говорить. Этот полшкипер не мог надивиться, что русский сухопутный человек и так все непогоды выдерживает. - Молодец, - говорит, - рус! Выпьем! Левша выпил. А полшкипер говорит: - Еще! Левша и еще выпил, и напился. Полшкипер его и спрашивает: - Ты какой от нашего государства в Россию секрет везешь? Левша отвечает: - Это мое дело. - А если так, - отвечал полшкипер, - так давай держать с тобой аглицкое пари. Левша спрашивает: - Какое? - Такое, чтобы ничего в одиночку не пить, а всего пить заровно: что один, то непременно и другой, и кто кого перепьет, того и горка. Левша думает: небо тучится, брюхо пучится, - скука большая, а путина длинная, и родного места за волною не видно - пари держать все-таки веселее будет. - Хорошо, - говорит, - идет! - Только чтоб честно. - Да уж это, - говорит, - не беспокойтесь. Согласились и по рукам ударили.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Началось у них пари еще в Твердиземном море, и пили они до рижского Динаминде, но

шли всё наравне и друг другу не уступали, и до того аккуратно равнялись, что когда один, глянув в море, увидал, как из воды черт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось. Только полшкипер видит черта рыжего, а Левша говорит, будто он темен, как мурин. Левша говорит: - Перекрестись и отворотись - это черт из пучины. А англичанин спорит, что "это морской водоглаз". - Хочешь,- говорит,- я тебя в море швырну? Ты не бойся - он мне тебя сейчас назад подаст. А Левша отвечает: - Если так, то швыряй. Полшкипер его взял на закорки и понес к борту. Матросы это увидали, остановили их и доложили капитану, а тот велел их обоих вниз запереть и дать им рому и вина и холодной пищи, чтобы могли и пить и есть и свое пари выдержать,- а горячего студингу с огнем им не подавать, потому что у них в нутре может спирт загореться. Так их и провезли взаперти до Петербурга, и пари из них ни один друг у друга не выиграл; а тут расклали их на разные повозки и повезли англичанина в посланнический дом на Аглицкую набережную, а Левшу - в квартал. Отсюда судьба их начала сильно разниться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Англичанина как провезли в посольский дом, сейчас сразу позвали к нему лекаря - аптекаря. Лекарь велел его при себе в теплую ванну всадить, а аптекарь сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взялись и положили на перину и сверху шубой покрыли и оставили потеть, а чтобы ему никто не мешал, по всему посольству приказ дан, чтобы никто чихать не смел. Дождались лекарь с аптекарем, пока полшкипер заснул, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, возле его изголовья на столик положили и ушли. А Левшу свалили в квартале на пол и спрашивают: - Кто такой и откуда, и есть ли паспорт или какой другой тугамент? А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет. Тогда его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрели, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить. Повел городской Левшу на санки сажать, да долго ни одного встречника поймать не мог, потому извозчики от полицейских бегают. А Левша все время на холодном парате лежал; потом поймал городской извозчика, только без теплой лисы, потому что они лису в саях в таком разе под себя прячут, чтобы у полицейских скорей ноги стыли. Везли Левшу так, непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, всё роняют, а поднимать станут - уши рвут, чтобы в память пришел. Привезли в одну больницу - не принимают без тугамента, привезли в другую - и там не принимают, и так в третью, и в четвертую - до самого утра его по всем отдаленным кривопуткам таскали и всё пересаживали, так что он весь избился. Тогда один подлекарь сказал городскому везти его в простонародную Обухвинскую больницу, где неведомого сословия всех умирать принимают. Тут велели расписку дать, а Левшу до разборки на полу в коридор посадить. А аглицкий полшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пилюлю в нутро проглотил, на легкий завтрак курицу с рысью съел, ерфиксом запил и говорит: - Где мой русский камрад? Я его искать пойду. Оделся и побежал.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Удивительным манером полшкипер как-то очень скоро Левшу нашел, только его еще на кровать не уложили, а он в коридоре на полу лежал и жаловался англичанину. - Мне бы,- говорит,- два слова государю непременно надо сказать. Англичанин побежал к графу Клейнмихелю и зашумел: - Разве так можно! У него,- говорит,- хоть и шуба овечкина, так душа человеческая. Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человеческую. А потом ему кто-то сказал: "Сходил бы ты лучше к казаку Платову - он простые чувства имеет". Англичанин достиг Платова, который теперь опять на укушетке лежал. Платов его выслушал и про Левшу вспомнил. - Как же, братец,- говорит,- очень коротко с ним знаком, даже за волоса его драл, только не знаю, как ему в таком несчастном разе помочь; потому что я уже совсем отслужился и полную пуплекцию получил - теперь меня больше не уважают,- а ты беги скорее к коменданту Скобелеву, он в силах и тоже по этой части опытный, он что-нибудь сделает. Полшкипер пошел и к Скобелеву и все

рассказал: какая у Левши болезнь и отчего сделалась. Скобелев говорит: - Я эту болезнь понимаю, только немцы ее лечить не могут, а тут надо какого-нибудь доктора из духовного звания, потому что те в этих примерах выросли и помогать могут: я сейчас пошлю туда русского доктора Мартын-Сольского. Но только когда Мартын-Сольский приехал, Левша уже кончался, потому что у него затылок о парат раскололся, и он одно только мог внятно выговорить: - Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся. И с этою верностью Левша перекрестился и помер. Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышеву доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышев на него закричал: - Знай,- говорит,- свое рвотное да слабительное, а не в свое дело не мешайся: в России на это генералы есть. Государю так и не сказали, и чистка все продолжалась, до самой Крымской кампании. В тогдaшнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены. Тут Мартын-Сольский Чернышеву о Левше и напомнил, а граф Чернышев и говорит: - Пошел к черту, плезИрная трубка, не в свое дело не мешайся, а не то я отопрусь, что никогда от тебя об этом не слыхал,- тебе же и достанется. Мартын-Сольский подумал: "И вправду отопрется",- так и молчал. А доведи они Левшины слова в свое время до государя,- в Крыму на войне с неприятелем* совсем бы другой оборот был.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Теперь все это уже "дела минувших дней" и "преданья старины", хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер ее главного героя. Собственное имя Левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народною фантазией) миф он интересен, а его похождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно. Таких мастеров, как баснословный Левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравнивали неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд. Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень "человечкиной душою".

* Александр 1 - российский император с 1801 по 1825 год.

* Венский совет - Венский конгресс 1814-1815 годов, завершивший войны европейских держав против Наполеона Бонапарта.

* Донской казак Платов - генерал от кавалерии Платов Матвей Иванович (1751-1818), один из видных полководцев Отечественной войны 1812 года.

* Цейгауз (правильное написание: цейхгауз) - склад с военным снаряжением.

* Кизлярки. - Примечание Н. С. Лескова. (Автор ведет этот сказ от лица простого, не очень грамотного человека и потому часто дает иностранные по своему происхождению слова так, как их произносил или мог произносить такой человек; делается это с доброй усмешкой, с юмором. Смотри далее: вместо бюсты - "бюстры", вместо балдахин - "валдахин", вместо Аполлон Бельведерский - "Аболон полведерский", вместо микроскоп - "мелкоскоп" и т. д.)

* "Поп Федот" не с ветра взят: император Александр Павлович перед своею кончиною в Таганроге исповедовался у священника Алексея Федотова-Чеховского, который после того именовался "духовником его величества" и любил ставить всем на вид это совершенно случайное обстоятельство. Вот этот-то Федотов-Чеховский, очевидно, и есть легендарный "поп Федот". - Примечание Н. С. Лескова.

* Николай 1 - российский император с 1825 по 1855 год.

* При восходе его было смятение - речь идет о восстании декабристов, которое

Николай 1 жестоко подавил при своем вступлении на престол.

- * Квадратными скобками и многоточием отмечены небольшие сокращения тексте.

- * То есть вестовые. (Вестовой - солдат, выполняющий служебные поручения командира, чаще всего - обязанности посыльного.)

- * Форейтор (устаревшее слово) - кучер, сидящий верхом на одной из лошадей, запряженных цугом, то есть друг за другом.

- * Документа (паспорта).

- * Псалтырь - книга религиозных песнопений - псалмбв; в старину по ней учили грамоте.

- * Полусонник - "сонник", толкователь снов; сонники в XIX веке издавались в большом количестве.

- * Рандеву (франц.), свидание.

- * Ногапочки - чулки или носки.

- * Обезьяна-напажу - плисовая тальма - так автор насмешливо обрисовал наряд модницы (плис - это род хлопчатобумажного бархата, модный в те времена; тальма - женская длинная накидка без рукавов).

- * Полшкипер - правильно: подшкипер - помощник шкипера (мореходный термин).